

Антоний
Нович

Петербург. Вегетариан. Темпера. 1916. 21. май.

Творцу оперы «Наль и Да- маянти».

Завтра, 30 июня, исполняется пятидесятилетие со дня рождения Антония Степановича Аренского, умершаго—увы!—сорока четырех лѣтъ отъ роду.

Аренскій родился 30 июня 1861 года въ Новгородѣ, а скончался 12 февраля 1906 года въ Перкларви (Финляндія), несмотря на то, что онъ былъ въ общемъ баловнемъ судьбы, давшей ему не только въ высшей степени симпатичный талантъ, но и искренно преданныхъ друзей, добившихся, по крайней мѣрѣ, его полной матеріальной обезпеченности. Онъ нуждался, правда, въ деньгахъ, но это зависѣло отъ страсти его къ игрѣ въ карты и отъ безалабернаго его образа жизни, бывшаго одной изъ главныхъ причинъ преждевременной его кончины.

Аренскій былъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ весьма слабого сложенія. Аренскій не считался, однако, ни съ чѣмъ, и разныя излишества окончательно подточили его далеко не крѣпкій организмъ. Тяжелая, изнурительная болѣзнь преслѣдовала его чуть-ли не полъ-жизни. Онъ умеръ отъ легочной чахотки.

Созданныя имъ музыкальныя произведенія не свидѣтельствуютъ, однако, о перенесенныхъ ихъ авторомъ физическихъ страданіяхъ. Но это объясняется, должно быть, тѣмъ, что творчество Аренскаго не отличалось особенно яркими, самобытными чертами, поражая скорѣе своимъ эклектицизмомъ съ исключительно сильнымъ тяготѣніемъ къ Чайковскому.

Римскій-Корсаковъ говоритъ, правда, что, по характеру таланта и композиторскому вкусу, онъ ближе всего подходилъ къ А. Г. Рубинштейну, но силою сочинительскаго таланта уступалъ послѣднему, хотя въ инструментовкѣ, какъ сынъ болѣе новаго времени, превосходилъ творца „Демона“. Въ молодости Аренскій былъ, по мнѣнію творца „Шехеразеды“, подъ его вліяніемъ и только впоследствии—подъ вліяніемъ Чайковскаго.

Во всякомъ случаѣ Римскій-Корсаковъ полагалъ, что забыть Аренскій будетъ скоро.

Эта строгость оцѣнки Аренскаго со стороны Римскаго-Корсакова тѣмъ болѣе странна, что авторъ оперы „Сонъ на Волгѣ“ былъ ученикомъ творца „Садко“ и блестяще окончилъ курсъ нашей высшей музыкальной школы въ 1882 году. Кроме того, Аренскій пользовался даже покровительствомъ М. А. Балакирева, по рекомендаціи котораго онъ былъ въ 1895 году утвержденъ въ званіи управляющаго придворной пѣвческой капеллы.

Но достаточно, впрочемъ, извѣстно, что во многомъ интересная „лѣтопись“ Римскаго-Корсакова далеко не всегда отличается достаточнымъ безпристрастіемъ. Лишнимъ доказательствомъ служить мнѣніе Римскаго-Корсакова объ Аренскомъ.

Совершенно иныя чувства питалъ къ творцу оперы „Сонъ на Волгѣ“, въ самомъ дѣлѣ, доброжелательный Чайковскій. Въ трехтомной біографіи звукового иллюстратора „Евгенія Оягина“ упоминается фамилія Аренскаго въ первый разъ въ письмѣ къ С. И. Танѣеву. Послѣднимъ были, повидимому, наведены справки по поводу либретто „Сонъ на Волгѣ“, самимъ Островскимъ написаннаго, какъ извѣстно, для Чайковскаго, подъ названіемъ „Воевода“. Чайковскій совѣтуетъ Аренскому воспользоваться текстомъ Островскаго и говорить о своей радости, что онъ окончательное перестаетъ быть авторомъ „Воеводы“. „Воспоминаніе объ этой оперѣ—точно воспоминаніе о какомъ-то уголовномъ преступленіи, мною совершенномъ“.

Когда Чайковскій познакомился съ оперой Аренскаго, то далъ о ней не только хорошій, но восторженный отзывъ. С. И. Танѣеву онъ писалъ: „Опера Аренскаго мнѣ не совсѣмъ понравилась, когда онъ игралъ мнѣ отрывки изъ нея въ

Петербургѣ послѣ своей болѣзни—нѣсколько болѣе, когда онъ игралъ ее у тебя при Альтани; гораздо болѣе, когда я проигралъ ее лѣтомъ въ первый разъ; очень понравилась, когда я проигралъ ее во второй разъ, а теперь, въ настоящемъ ея исполненіи, я призналъ ее одной изъ лучшихъ, а мѣстами даже превосходной русской оперой. Она отъ начала до конца удивительно изящна и равномерно хороша; только въ концѣ—нѣкоторый упадокъ вдохновенія. Недостатокъ—нѣкоторое однообразіе приѣмовъ, напоминающихъ Римскаго-Корсакова. Сцена сна воеводы заставила меня пролить немало сладкихъ слезъ. И знаешь, что я еще скажу? Аренскій удивительно уменъ въ музыкѣ: какъ онъ все тонко и вѣрно обдумываетъ! Это—очень интересная музыкальная личность“.

Не менѣе тепло онъ отзывается объ этой оперѣ брату своему Модесту Ильичу, автору либретто оперы „Наль и Дамаанти“ Аренскаго, увѣдомляя его также, что онъ написалъ горячую рекомендацію этой оперы для Петербурга Всеволожскому (директору Императорскихъ театровъ).

Вообще, Чайковскій принималъ искреннее участіе въ Аренскомъ и слѣдилъ за художественнымъ его развитіемъ. Онъ рекомендовалъ его въ качествѣ преподавателя и настаивалъ на исполненіи его произведеній. Такъ, на примѣръ, Чайковскій обращается по поводу Аренскаго къ Римскому-Корсакову. „У меня къ вамъ просьба—писатьъ творцу „Шехеразеды“ авторъ „патетической“—Аренскій выздоровѣлъ, но я нахожу его въ какомъ-то угнетенномъ, приниженномъ состояніи духа. Я очень сожалею и люблю его, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ случай видѣть со стороны тѣхъ, кого онъ наиболѣе уважаетъ въ музыкальной сферѣ, одобряющее ему сочувствіе. Наилучшимъ къ тому средствомъ я счелъ бы, если бы вы какую-нибудь его вещь исполнили въ одномъ изъ слѣдующихъ концертовъ. Тамъ, гдѣ удѣляется мѣсто всѣмъ русскимъ композиторамъ, должно быть мѣстечко и Аренскому, который во всякомъ случаѣ не хуже многихъ другихъ. Такъ какъ вамъ не захочется никого обидѣть, то я предлагаю вамъ лишить меня чести стоять на программѣ четвертаго концерта, ибо, именно, я нисколько не обижусь, если меня вы замѣните Аренскимъ. Меня достаточно играютъ, а бѣднаго Аренскаго почему-то забыли составители вашихъ программъ“.

Итакъ, добрѣйшій Николай Андреевичъ, вмѣсто увертюры къ „Ромео“, возьмите какую-нибудь вещь Аренскаго. Его необходимо теперь всячески поощрять, и поощреніе съ вашей стороны будетъ для него особенно цѣнно, ибо онъ питаетъ къ вамъ безграничную любовь и уваженіе. Пожалуйста, подумайте объ этомъ, внемлите моей просьбѣ и осчастливьте вашего ученика, глубоко вамъ преданнаго“.

Такое удивительно хорошее отношеніе сказывается во всѣхъ письмахъ и отзываютъ, касающихся Аренскаго, который—по искреннему убѣжденію Чайковскаго—человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, но какой-то странный, неустановившійся, болѣзненно-нервный.

Нисколько, разумѣется, не удивительно, что Аренскій платилъ Чайковскому не меньшей любовью и преданностью. Если Чайковскій далъ выраженіе своей скорби по поводу кончины Лауба и Ник. Гр. Рубинштейна въ камерныхъ, посвященныхъ ихъ памяти, произведеніяхъ, то такимъ же образомъ поступилъ Аренскій. Чайковскому посвящена было, еще при его жизни, фантазія для оркестра „Маргарита Готье“ (написанная на романъ Дюма „La dame aux Camélias“), но, послѣ смерти его, Аренскій сочинилъ, въ его память, знаменитыя варіаціи на тему Чайковскаго „Быль у Христа-младенца садъ“, приобрѣвшія самую широкую извѣстность. Варіаціи эти представляютъ вторую часть изъ второго квартета (ля-миноръ соч. 35), написаннаго сперва для скрипки, альты и двухъ виолончелей. Впоследствии Аренскій аранжировалъ свое произведеніе для обычнаго смычковаго квартета (двѣ скрипки, альтъ и виолончель), а въ 1904 году онъ сдѣлалъ соотвѣтствующее переложеніе квартета для струннаго оркестра. Въ этомъ же году варіаціи были исполнены въ первый разъ, подъ управленіемъ автора, въ концертѣ А. И. Зилоти (19 октября).

Въ сентябрѣ 1903 г. Аренскій приступилъ къ сочиненію своихъ знаменитыхъ пьесъ для мелодекламации, созданныхъ имъ, какъ бы, нехотя, противъ воли, только по настоянію А. И. Зилоти, которому онѣ были обѣщаны для одного изъ его концертовъ. Иллюстрированныя Аренскимъ „стихотворенія въ прозѣ“ Тургенева („Нимфы“, „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“, „Лаазурное царство“) доставили композитору громадный успѣхъ и извѣстность—въ особенности, въ интерпретаціи незабвенной Вѣры Феофановны Комиссаржевской, которой онѣ и посвящены. Названная артистка была первой исполнительницей этихъ знаменитыхъ „мелодекламаций“.

Во всемъ, Аренскій располагаетъ довольно богатымъ спискомъ произведеній. Въ виду отсутствія г-на Зилоти изъ Петербурга, не удалось, къ сожалѣнію, установить, всѣ-ли сочиненія Аренскаго вышли въ печать. Во всякомъ случаѣ, извѣстно, что г. Зилоти имѣетъ кой-какія рукописи даровитаго творца оперы „Сонъ на Волгѣ“. Но и изъ опубликованнаго списка композицій явствуетъ, что Аренскій былъ довольно плодовитъ, написавъ, по крайней мѣрѣ, гораздо больше, чѣмъ хотя бы М. И. Глинка, прожившій, какъ извѣстно, дольше Аренскаго.

Изъ крупныхъ произведеній Арен-

скому принадлежатъ двѣ симфоніи (си-миноръ, соч. 4, ля-мажоръ, соч. 22); три оперы: „Сонъ на Волгѣ“, „Рафаэль“ и „Наль и Дамаанти“; музыка къ „Бахчисарайскому фонтану“ Пушкина (для соло, хора и оркестра); кантата на десятилѣтіе коронованія (для соло, хора и оркестра); балетъ „Nuit d'Egypte“; пастораль „Цвѣтникъ“ (соч. 63 для соло, дѣтскаго хора съ фортепиано); три сюиты (первоначально написанныя для фортепиано, а затѣмъ переложенныя для оркестра); концертъ для фортепиано, концертъ для скрипки, духовно-музыкальныя произведенія, хоровыя, камерныя и прочія произведенія, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ его романсы, баллады и фортепианное trio въ ре-миноръ.

Остается еще упомянуть о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя даютъ представленіе о прекрасномъ его педагогическомъ талантѣ. Имъ написаны переведенныя даже на нѣмецкій языкъ „Руководство къ практическому изученію гармоніи“ и „Руководство къ изученію формъ инструментальной и вокальной музыки“.

Резюмируя художественную дѣятельность талантливаго, столь преждевременно скончавшагося, композитора, нельзя не сказать, что Аренскій былъ выдающимся мелодистомъ, отличительными чертами котораго, по исполнѣ справедливому замѣчанію Кашкина, были искусство и благородство выраженія. Его музыка не всегда ярка, но за то въ большинствѣ случаевъ полна настроенія. Во всякомъ случаѣ, Аренскій имѣетъ право на мѣсто въ нашемъ далеко не столь богатомъ въ численномъ отношеніи музыкальномъ Олимпѣ, и память о немъ должна быть дорога всѣмъ, любящимъ въ музыкѣ тонкое чувство и экспрессію.

Ник. Бернштейнъ.